ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

12

2009

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор вспоминает примеры исполнения и нарушения этого вечного закона человеческого сообщества.

- Борис Екимов
  - ◯

Борис Екимов
«СТАРЫХ ДОДЕРЖИ…»

Где-то уже писал я о законах нашего старого дома, в прежней жизни. Нынче еще одно вспомнилось.

Коротковы жили у нас в соседях. Бабу Полю помню с малых своих годов. Всегда она в огороде возилась. Морковкой угощала. У нее морковь была сладкая, крупная. И угощала не просто: увидит, что я иду, и кинет в наш огород, на дорожку две ли, три морковины, а сама за кустом присядет, спрячется. Для мальца такая находка — неожиданная радость. А баба Поля за кустом смеется: «Точи зубки…»

Но доживала свой век баба Поля тяжко, теряя память, рассудок. Среди лета вдруг растапливала в доме печь, колодезный насос портила, колобродила в хате, во дворе, наводя беспорядок. Трудно с ней было. Но дочь ее, тетя Маша, все терпела. Соседям жаловалась, но терпела. А куда денешься? Родная мать.

«Старых додержи» — это вечный закон. Его исполняли.

Страховы — рядом с нами. Там — та же песня. Бабка в конце жизни бедокурила, не оставишь одну. Но куда деваться, терпели, помогали дожить.

У Максимовых — та же беда: чуть оставят — старуха подушки вспорет, перину, куда-то уходить собирается: «Пошли, пошли… Хватит гостить… Домой надо».

Хорошо еще, когда старые люди до конца своего на ногах, а если слягут — вовсе беда. Десять лет неподвижно, «без языка» пролежал на соседней улице старый человек, и дочь его не оставила, не отдала в казенные стены. Хотя и могла.

А у нас на улице, недалеко, получилось иное.

Обычная хорошая семья. Хозяина я не помню, он рано ушел. Во главе семьи — Калиниха, грамотная баба, при какой-то должности, на железнодорожной станции, кажется, «кадрами» она там заведовала. У Калинихи замужняя дочь медсестрой работала, зять — электрик, помаленьку и внуки выросли. Калиниха их пристроила возле себя, на станции, один — слесарь, другой — крановщик. Внуками она гордилась. К нам зайдет — рассказывает: «Молодые, но пользуются в коллективе авторитетом. Потому что они…»

Это хорошо. Внуками можно и погордиться. Работали вместе. Ребята армию отслужили, женились. Калиниха помогала им строиться, чтобы своими домами жить. Жаловалась порой, что

приходится трудно. Это понятно: зарплаты невеликие, кирпич да «лес» в те годы купить было трудно. Но Калиниха — небольшой, но начальник. Где-то, что-то, но добудет.

Построились. Молодые отделились, но родительский дом оставался для них тем же теплым гнездом. Здесь, возле бабушки и прабабушки, росли внучки — милые светлоголовые девочки-погодки, всегда чистенькие, аккуратные, с голубыми бантами в косичках.

А потом пришла беда. Старая Калиниха слегла от инсульта и уже не поднялась, осталась в постели.

Дочь ее порою к нам заходила, рассказывала: «Лежит… Что же делать…» Мои старики ходили Калиниху проведать, сообщали все то же: «Лежит… На лицо хорошая. Все говорит, понимает. А встать не может. Валентине, конечно, тяжело».

Валентина — дочь. И теперь все на нее легло: хозяйство, сыновья, которые хоть и своими домами живут, но их не оторвешь; и внучки привыкли возле бабушки. Родители — на работе. Аккуратные девочки, всегда опрятные, с голубыми бантами. Спросят порой: «Можно у вас смородины поесть?» Смородины у нас в палисаднике много. Хватает всем. «Клюйте, — отвечаю им, — на здоровье».

Валентина была на пенсии, но прежде работала. В большой семье деньги лишними не бывают. Работу пришлось оставить.

Прошел год, другой, третий. Старая Калиниха так и не поднялась, лежала и лежала. Валентина заходила к нам, порой жаловалась: «Привередничает… То — не хочу, другое — не хочу… Трудно с ней».

Мои старые люди ходили на провед, сообщали: «Хорошая, лицо — ни морщинки… Как королева лежит: наволочка белая, пододеяльник, простыни — все проглаженное. Молодец Валентина».

Так и шло: год, другой, третий.

Валентина дом вела, муж подрабатывал, он был рукастым: по «электрике» соображал, водяные насосы ремонтировал. Сыновья и снохи работали. А все вместе помогали в делах обычных: огород, хозяйство, немалые хлопоты с недужной бабкой, которой, видимо, не судьба подняться, а сколько она протянет, знает лишь бог.

Шло и шло время. Годы летели. Внучки уже оперялись. Не девочки, но молодые, завидные девки. Невеститься подступает пора.

И вдруг умерла Валентина. У нее было плохо с сердцем. Порой отекали ноги. Она иногда говорила: «Я еще раньше мамы умру». Вот и нарекла: умерла в одночас.

И так же, считай, в одночас рухнуло все семейство.

Старую Калиниху на той же неделе увезли в «интернат» — больницу для таких, как она. Зять, внуки, жены их наотрез отказались за бабкой ухаживать. Говорят, она плакала, просила оставить ее дома, обещая скоро умереть. Ей не поверили, увезли, потому что… Причин всегда много: работа, домашние дела, дети. А лежачая бабка руки вяжет.

Увезли ее в «интернат» и там же, через три дня, схоронили.

Руки развязаны, живи да живи.

Но с уходом старой Калинихи и дочери ее в большом и вроде ладном семействе все пошло наперекосяк.

Почуяв волю, стал выпивать Калинихин зять. К отцу, на провед, охотно, всякий день заглядывали сыновья. Гуляли… Но недолго. Одного сына жена из дома выгнала, и он подался куда-то, в края дальние. А другой сын умер в один месяц с отцом. Оба, как теперь говорят, от сердца, то есть от дешевого пойла, которое по старой привычке именуют водкой.

Подросшие девчата-погодки остались одни, потому что их родная мама, откушав свободы, подалась куда-то в новый «замуж», говорят — по любви.

А о девчатах что говорить… Днем и ночью от их двора несется веселая музыка. Там — и конный и пеший. Но корить их да винить рука не поднимается. Помоги им бог.